

Писатель Леонид Николаевич Андреев известен нам как человек, преданный своей семье. Братья, сёстры, мать находили приют в его доме. К Леониду всегда обращались за помощью, и он делал всё, что мог, для своих близких. Потому что не умел щадить себя, экономить силы. Он знал: есть обиды свои и обиды близких тебе людей. Второе для него было гораздо страшнее. Поэтому помогал, оберегал, заботился обо всех членах своей семьи.

Справедливости ради, надо добавить, что он помогал не только родным ему людям, но и даже малознакомым. Зачастую оставаясь инкогнито...

Вырос Леонид Андреев в большой семье, которая его сформировала и как человека, и как писателя. От отца он унаследовал желание иметь свой большой дом, большую семью. От матери многочисленные таланты (писательский, к рисованию, к театру).

Ныне, в юбилейный для Леонида Николаевича Андреева год, мы хотим показать, как проявлял себя писатель по отношению к близким. И покажем это на примере переписки Андреева со своей матерью, братьями, сёстрами, женой.

Возможно, для кого-то Андреев откроется новой своей гранью – остроумием, желанием

рассмешить. Смех, как известно, помогает преодолевать трудности. Мы намеренно выбрали «смешные письма», чтобы попутно показать, что писатель не был таким мрачным человеком, каким кажется многим.

В кругу родных и близких Андреев был весельчаком, большим мастером на выдумки, розыгрыши, придумывал смешные прозвища. Все, кто знал Андреева-собеседника, дружно заявляли, что в нём погиб или почти погиб замечательный художник-юморист, который по таланту мог бы, пожалуй, сравниться с самим Гоголем.

«Я весёлый человек! Я люблю юмористические журналы, остроумную карикатуру и крепко просоленный, как голландская селёдка, анекдот», – скажет о себе Андреев в фельетоне «Искренний смех».

Письма Леонида Николаевича к родственникам искрятся остроумием, смехом. Есть такие, которые представляют собой законченные юмористические рассказы. Из письма брату и сестре Пацковским: «Милые мои! Во-первых, – о чём вы, вероятно, догадываетесь, – я жив; во-вторых, – о чём, вероятно, не догадываетесь, здоров, поскольку это возможно при хроническом

насморке, кашле, зубной, головной, грудной и пр. пр. боли.

Стригусь бобриком, покоюсь на широчайших пьедесталах, ношу цветные галстуки (наиболее яркие) и, в общем, имею вид умного пуделя.

Слыхал, что я застрелился, но не поверил».

В письмах Леонид Николаевич рисует себя с юмором, но иногда за смехом угадывается горечь. Видимо, стараясь оградить родных от переживаний, он много шутит. За шуткой он скрывал горести, угнетающее чувство одиночества. Необыкновенные отношения связывали Андреева с матерью. Письма к ней, трогательные, нежные, дают нам представление о том, каким сыном был Леонид Николаевич.

«... я всегда так много пишу тебе не потому, что обязан, ... а потому что мне интересно и нужно тебе писать, – нужно для собственной души. Всегда я знаю и чувствую, что никто так не поймёт, никто так не заинтересуется, никто с таким интересом и любовью не прочтёт моих писаний, как ты, и никто так не почувствует шутки и не будет смеяться над моими «смешными» письмами, как ты, мой неизменный Рыжик. Конечно, я не всё пишу тебе: иногда боюсь тебя обеспокоить и расстроить... Очень часто даже вру тебе относительно моего здоровья и настроения, выставляя их лучшими, нежели они есть на самом деле, – но понимаешь: даже когда я вру тебе, я чувствую облегчение, знаю, что всё равно и так чувствуешь и понимаешь.

Я очень памятьлив, маточка, и если ещё иногда забываю сделанное мне зло, то добра никогда не забываю. Просто я недостаточно хороший человек, чтобы полностью отплатить тебе за всё твоё добро, и я это сознаю» (письмо к матери, 10 марта 1918 года).

Леонид Николаевич часто подтрунивал над матушкой, придумывал ей смешные прозвища. Однако современники вспоминали, что Анастасия Николаевна никогда не обижалась на шутки сына.

Леонид Андреев был большим мастером эпистолярного жанра, и его родные любили получать от него письма. Читали их по несколько раз, устраивали даже громкие чтения и вместе хохотали.

Л.Н. Андреев

В письме к родным, помеченном 13 ноября 1897 года, Андреев рассказывает о первых шагах на адвокатском поприще и о своей работе в газетах: «Я состою судебным репортёром в двух самых важных газетах: «Московском вестнике» и «Курьере». Кроме неувядаемой славы приобретаю 4 копейки со строчки. На Девичьем Поле мне начали уже ставить памятник. Недавно встретился я на Тверском бульваре с Пушкиным. Мы смерили друг друга глазами – и он остался стоять на том же месте, а я гордо пошёл дальше. Есть некоторые основания думать, что так называемый Гоголь – это я, писавший только под псевдонимом. Впрочем, пока не узнаю об этом наверное, врать не стану.

Забыл совсем, что вы не имеете представления о моей теперешней внешности. Пышная грива чёрных волос обрамляет высокое чело. Сияющие умом глаза разбегаются по сторонам. Изнеможённый язык на поларшина висит изо рта. На мне чудный, блестящий – особенно на локтях – фрак. Хотя он и чужой, но настолько длинен, что на полу после моего прохода остаются две грязных полосы от фалд. Роскошные, короткие панталоны, не скрывающие изящного очертания икр, небрежно вздёрнуты вверх. Прелестные ботинки от Шумахера как бы улыбаются своими поперечными трещинами и грациозно шлепают отвисшими подмётками».

Это письмо относится к тому времени, когда Андреев по окончании университета жил в Москве в самой настоящей нищете, в убогой полуподвальной квартире.

Интересны письма, навеянные экзаменационными мотивами. Нет места в них для жалоб и волнений. Добродушно-иронический тон не покидает их. Письмо двоюродным сестрам Пановым от 24 марта 1897 года: «Милые мои! Не писал вам так долго, паче чаяния был страшно занят. Я буду держать Государственный экзамен, поэтому мне необходимо было сняться, чтобы предоставить карточку в комиссию. И я снимался – но очень долго, два месяца и больше ничего не делал, так что, вероятно, провалюсь. Дело в том, что первый раз фотограф посоветовал мне быть веселей. Карточка вышла очень весёлая, такая весёлая, что мама и дети чуть не умерли со смеху. Моисей Моисеевич (собака, мопс) тоже смеялся. Эту карточку подать я не решился. Экзаменаторы могут подумать, что я смеюсь или над ними, или так, от глупости. Я решил сняться серьёзным. Когда карточка была готова – это был ужаснейший момент. Я о себе не говорю, я привык ко всяким испытаниям. Но мама, дети... Два дня в нашем доме стоял плач и стон, два дня не топились печка, два дня мы ничего не ели.

Успокоившись, я решил сняться в профиль, ибо таким образом не видно выражения лица. Карточка была бы хороша, но на ней не хватило места для носа. Фотограф пообещал снять его отдельно, но я нашёл это неудобным – могут принять за иронию.

Тогда я начал думать. Долго думал, и, наконец, придумал. В том месте, куда велит смотреть фотограф, я повесил квитанцию из ссудной кассы. Физиономия вышла несколько грустная, но полная естественности и благородства. Кроме того, на ней видно, что я никогда не брал денег в долг и даже совсем не понимаю этого выражения – хотя в то же время заметно, что я хорошо изучил курс вексельного права, особенно ту часть его, где говорится о несостоятельных плательщиках. Вообще для экзамена карточка самая подходящая.

Об остальном поговорю как-нибудь. Крепко целую вас и поздравляю с Пасхой. О, милые мои! Кто это выдумал, чтобы весна была во время

экзаменов? Неужели нельзя было отменить её? Я не ленив, но...

Ваш Л. Андреев».

9 февраля 1905 года по просьбе орловского уроженца Иосифа Дубровинского Леонид Андреев предоставил свою квартиру для заседания членов ЦК РСДРП. Жандармы выследили, что у Андреева собрались «неизвестные» лица. Все были арестованы, и писатель тоже.

Из Таганки Андрееву удалось отправить несколько писем на волю. Большинство из них адресовано жене — Александре Михайловне Андреевой (Велигорской). За строками этих писем выступает обаятельная личность писателя, стойкого и необыкновенно нежного, заботливого по отношению к родным.

О своём пребывании в Таганке, о тюремном режиме, о питании Андреев пишет в шутовском тоне. Иначе он поступить не мог, оберегая спокойствие близких ему людей, не желая тревожить их правдой о тюрьме.

«Вчера я купил зеркало, взглянул на себя и пришёл в ужас: до чего я изменился! Правая сторона лица стала короткая и толстая и лезет вперёд из рамки; левая же – растянулась и уходит куда-то в глубину; нос, начинаясь прямо, медленно поворачивает влево, вниз, вверх, ещё дальше влево – и вдруг сразу резко, под прямым углом поворачивает вправо и скрывается где-то в углу камеры. Общее выражение лица – тупо удивлённое и загадочно-насмешливое. Я решил, что это после допроса у меня такое лицо, и взглянул ещё раз только сегодня. По-видимому, у меня начинаются галлюцинации – ибо такого лица я ни вчера и вообще никогда в жизни не видел. Носа нет. Минутами он как будто появляется из облаков и тотчас исчезает. И того хуже: даже нет места для носа – прямо над усами помещаются глаза; зато лоб бесконечно широк и плосок, как Ходынское поле. Волос нету; подбородка тоже...

Отослал зеркало назад».

По воспоминаниям родственников Леонида Николаевича, жена писателя была очень женственной, приветливой. Ночи проводила с Леонидом за работой, днём переписывала рассказы, пьесы, письма, вела домашнее хозяйство.

Ей Леонид Андреев посвятил такие строки: «Ты одна из всех людей знаешь моё сердце, ты

одна заглянула в глубину его – и, когда люди сомневались и сомневался я сам, ты поверила в меня. Чистая помыслами, ясная неиспорченной душой, ты и жизнь и веру вдохнула в меня, моя стыдливая, гордая девочка, и нет у меня горя, когда твоя милая рука касается моей глупой головы фантазёра.

Жизнь впереди, и жизнь страшная и непонятная вещь. Быть может, её неумолимая и грозная сила раздавит нас и наше счастье, – но и умирая, я скажу одно: я видел счастье, я видел человека, я жил!»

За год до свадьбы Леонид Николаевич записал в дневнике: «Боже, если бы ты знал, как берегу я этот огонёк и дорожу им, – ты никогда не потушил бы его». Но огонёк светил и согревал недолго, через четыре года он угас. В 1906 году в Берлине после рождения второго сына, Даниила, жена писателя умерла от заражения крови.

Очень тяжело Леонид Андреев переживал эту потерю, долго не мог найти успокоения. Но жизнь берёт свое... И спустя некоторое время он женился вторично. Брак с Анной Ильиничной Карницкой (Денисевич) принёс успокоение. У Андреева было пятеро детей, трое из которых родились во втором браке. И, судя по дневниковым записям Анны Ильиничны, этот брак тоже был счастливым, потому что только счастливая женщина может написать такие строки: «... благословила я Судьбу, пославшую мне завидное и редчайшее счастье. Все духовные силы мои... освещались и жили. Его огнём горели, горели горячо и ярко... Я так любила и чтילה всегда его. Худшее мучение всегда было: все слова, все мои действия, вся моя жизнь – всё было мало, будто перед сияющим солнцем, каким было моё чувство к нему... Я продолжаю жить с Леонидом и им одним. Всё, что думаю, чувствую, – мысленно говорю ему» (из дневника А.И. Андреевой, 1921 год).

Революционные события 1917 года нередко вызывали у писателя упаднические настроения. Разлад в стране, плохое самочувствие накладывают отпечаток на душу, а значит и на творчество. Однако даже тогда чувство юмора не покидало Андреева. Вот что он писал своим близким в 1918 году из Финляндии: «Последние месяцы я испытываю странную и опасную раз-

винченность моей личности. Это не то что раздвоение, а раздесятирение и дальше больше; захватывает оно не только мою духовную сферу, но губительно отражается и на физической стороне. Хожу я раскаряч, – куда правая, куда левая нога; отдельно и независимо от другой болтаются руки, в то время как бюст самостоятельно выделяет зигзаги.

И лицо моё размножилось, напоминая одной частью своей удесятёрённый флюс, а другой видимо и губительно истощаясь и кривясь.

Долго искал я объяснения этому странному и мучительному явлению, пока в энциклопедии не встретилось мне исчерпывающее объяснение. Оказалось, что причиной моей развинченности является российский сепаратизм, расколовший мою дотолё единую личность так же, как расколота Россия: отделение Польши, Украины, Финляндии и прочего, – вызвали во мне соответствующие сепарации. По отцу – я великоросс; по матери и деду – поляк; по бабке и всему её роду я – хохол; по месту оседлости – финн. Далее, по деду с отцовской стороны – я помещик, крупный землевладелец, буржуй; по бабке – крепостной беднейший крестьянин, эксплуатируемый класс, почти батрак.

До сих пор эти весьма разнородные национальные, государственные и классовые элементы довольно мирно уживались во мне под единой фирмой Л. Андреева, и все шестеро: великоросс, поляк, хохол, финн, буржуй и батрак, – дружески ходили в кабак или ресторан. И там поляк плясал мазурку, хохол спал головой на столе, помещик привередничал, а беднейший крестьянин производил умеренный погром, великоросс же потом расплачивался по счёту или производил иностранный заём.

Так жили мы все шестеро, а может и больше...»

Эти и другие письма можно читать и перечитывать, и каждый раз находить что-то новое, что-то созвучное своему настроению, своему мироощущению. Блестящий андреевский юмор вызывает смех, но чаще всё-таки смех сквозь слёзы. Он прекрасно понимал, что жизнь человеческая полна страданий, и всегда стремился разделить страдания своих близких, помогал им обрести покой и ощущение надёжности.